

УДК 1(091):316.3

DOI: 10.34670/AR.2021.50.11.013

Рассмотрение политико-правовых институтов с позиции критической теории

Равочкин Никита Николаевич

Кандидат философских наук,
доцент кафедры истории, философии и социальных наук,
Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева,
доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин,
Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия,
650056, Российская Федерация, Кемерово, ул. Марковцева, 5;
e-mail: nickravochkin@mail.ru

Аннотация

В статье представлены познавательные возможности критической теории применительно к рассмотрению политико-правовых институтов. Актуальность статьи обосновывается недостаточностью социально-философских исследований, посвященных разработке политико-правовой институциональной проблематики, в сопряжении с практическими потребностями настоящего времени. Цель исследования состоит в обосновании эвристических возможностей критической теории к властным институтам, а также в выявлении реального воплощения идей данного направления. Методология исследования построена на общеполитологических подходах, а также на авторском мультипарадигмальном подходе. Критическая теория рассматривается как многомерный интеллектуальный проект, в котором помимо франкфуртской школы представлены феминизм, постмодернистские концепции и мультикультурализм. Автор подробно освещает историю становления критического направления, которое до сих пор не уложилось в какую-либо строгую теорию. Фиксируется комплексный характер воздействия критической теории на современную общественную жизнь. Показано влияние перечисленных направлений на политико-правовую практику и институциональные трансформации. В заключение автор обобщает результаты работы и намечает панораму будущих исследований.

Для цитирования в научных исследованиях

Равочкин Н.Н. Рассмотрение политико-правовых институтов с позиции критической теории // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 1А. С. 132-142. DOI: 10.34670/AR.2021.50.11.013

Ключевые слова

Политико-правовые институты, критическая теория, Франкфуртская школа, общество, феминизм, мультикультурализм, постмодернизм, идеи, интеллектуалы.

Введение

Без всякого преувеличения можно сказать, что сегодня институты занимают стержневое место в общественной жизни, поскольку к ним все чаще обращаются для поиска ответов, проясняющих успехи и неудачи государств. Несмотря на небольшое количество собственно философских работ, посвященных изучению институтов, они все же присутствуют в различных концепциях. Одним из таких заслуживающих внимания современных исследовательских направлений является критическая теория. Для начала следует отметить, что до сих пор не существует единой и целостной критической концепции как философского, социального или гуманитарного способа изучения общественных процессов и феноменов. Данная теория формируется посредством множества теоретических и практических исследований и дискурсов, разнородных по своей направленности, целям и методам изучения социального. К ведущим направлениям, так или иначе принадлежащих к критической теории, традиционно относят Франкфуртскую школу, феминизм, постструктурализм, отчасти марксизм, мультикультурализм, постколониализм, сексизм, этноцентризм.

К настоящему времени достаточно рельефно прорисованы причины, послужившие основанием для формирования и развития критической теории:

- интенсивное развитие теорий, которые не вписываются в традиционную систему концепций, но инструментальным образом способствуют переосмыслению традиционных для предшествующих концепций предметных полей и изменяют методологию познавательного и интерпретационного поиска;
- изменение соотношений между сферами социального бытия, требующих новых способов описания происходящих трансформационных процессов [Фурс, 2005, 10];
- развитие и усложнение каналов коммуникации, позволяющих передавать значение информации, аккумулируемой в социальной среде, в результате чего изменяется мировоззрение интеллектуалов-теоретиков. Социальные и политические условия способны оказывать серьезное влияние на результаты интеллектуальных исследований и, как следствие, на практическую деятельность во всех областях общественной жизни.

В результате объективации представленных причин в социальном и гуманитарном знании формируются две тенденции. К ним относятся трансдисциплинарность и политизация полученных знаний. Это означает, что представители критической теории сосредоточились на изучении вопросов, связанных с политическими элементами во всех областях социальных отношений, а также полагали, что полученные данные могут быть достоверными только на основании междисциплинарного исследования. В результате на примерах текстов практически всех ученых, принадлежащих к критической теории, мы можем обнаружить обе эти тенденции.

Франкфуртская школа

Напомним, что базовые идеи критической концепции были сформированы представителями Франкфуртской школы. В частности, кантианцы Т. Адорно и М. Хоркхаймер исходили из утверждения о том, что познавательные способности человека должны быть подвергнуты критическому переосмыслению. По Канту, в содержательном плане такое переосмысление подразумевает под собой отнюдь не критику самих возможностей человека к познанию, но скорее их границ. Таким образом, вслед за немецким просветителем франкфуртцы признавали необходимость применения критического метода как пересмотра познавательных способностей и возможностей человека, а также целого ряда других принципов его бытия.

Следует уточнить, что Хоркхаймер стремился применить кантовскую идею критики познавательных способностей человека не только и не столько в рамках гносеологической проблематики, сколько к области социального. Характерно, что вопрос о соотношении формы и содержания познания в кантианской философии выглядит как проблема единства априорных форм познания трансцендентального субъекта с опытным знанием. Для М. Хоркхаймера «проблема отношений между формой и содержанием познания может быть раскрыта посредством погружения ее в тотальность исторически сложившегося общественного процесса» [Шушкина, 2014, 100]. Отсюда следует, что критический принцип данной концепции реализуется именно в области социальной философии, что в дальнейшем становится основанием для переосмысления условий, принципов и перспектив развития общественных связей, отношений, статусов и ролей, а также функций, закрепленных за институтами современного общества.

Таким образом, центральный принцип всех направлений в рассматриваемой теории может быть сведен к идее критического подхода, реализованного в условиях межсубъектных отношений и социальных взаимодействий. В частности, изменяется статус человека, который отныне является активным действующим субъектом. При этом в логике М. Хоркхаймера «трансцендентальный субъект» представляет собой общество, тогда как любой отдельный субъект остается конкретным человеком. Изменяются отношения между ними. Причиной тому, по Хоркхаймеру, становится необходимость достижения гармонии между рассудком и чувственностью в форме эмпирического опыта. Последнее будет возможным в исторических и социальных отношениях, т. е. системе исторически и культурно детерминированных intersubjectивных отношений.

Таким образом, справедливо утверждение о том, что кантианский фундамент критической теории раскрывается через последовательное применение на практике идей о дихотомическом разделении наук – о духе и о природе [Бронзино, 2007]. Поскольку человек не способен противиться законам природы (как здесь не упомянуть об идеях относительно системы предзаданных необходимостей), то единственное, где он может достичь свободы, – это в создании систем социальных норм, т. е. основополагающих принципов организации общества. Так и возникает идея критической теории о переосмыслении человека как субъекта, свободного в деле создания необходимости.

Итак, мы видим, что вынесенная в заглавие статьи теория представляет возможным направить критическое переосмысление причин и условий социального бытия. Происходит пересмотр наблюдаемых процессов и результатов действий, а также наличных институтов, которые актуально существуют не только в конкретном, но и отныне в глобализирующемся обществе. Осуществляется критическая ревизия институтов, в определенной мере ставших традиционными для политического взаимодействия и правового регулирования социальных процессов. Теперь для построения новых эффективных властных установлений необходимо найти препятствия в осуществлении политических и правовых взаимодействий, а для этого необходим также анализ фундирующих их принципов, причем вне зависимости от того, является ли субъект коллективным или индивидуальным.

Вдобавок к сказанному отмечаем, что ведущим положением критической теории становится тезис о борьбе мыслителей с догматическим примирением с наличными фактами [Фогелер, Ойзерман, Нарский, 1978, 72]. В прикладных исследованиях этот принцип означает, что большинство современных концепций можно интерпретировать в качестве традиционных, поскольку они исходят из отдельных социальных фактов и выводят из теории применительно к

сферам общественной жизни, т. е. конкретные факты, какими бы они ни были, признаются догматическими. Для критической теории становится принципиальной необходимостью исключения любого внешнего принуждения к формированию тех или иных концептуальных оснований. К подобным принуждениям Хоркхаймер относит многочисленные условия бытия и творчества субъектов, так или иначе стремящихся объяснить наблюдаемые в обществе тенденции. Таким образом, для этого немецкого мыслителя принципиальными являются такие качества ученых, как честность и независимость, дух которых не должен позволять подстраиваться под внешнее принуждение и тем самым сказываться на приспособлении результатов исследований воле какой-либо власти.

Отсюда в рамках критической теории можно вывести два принципиальных аспекта. Первый из них состоит в негативности диалектики. Как правило, суть традиционных концепций заключается в стремлении их создателей и последователей изучить существующие проблемы и найти так называемый «позитивный ответ» для (раз)решения вскрытых трудностей. В отличие от традиционных теорий, критическая отнюдь не стремится найти ключи для решения существующих социальных проблем, поскольку ее представители стремятся к анализу общества в качестве такого, «какое оно есть», не делая при этом попыток для построения идеальных моделей. Негативный характер диалектики раскрывается в теоретических построениях Т. Адорно, который предлагал рассматривать людей как равных друг другу субъектов общественных отношений [Дудник, 2013]. Такое признание отныне означает не противоборство людей и даже целых социальных классов, что требовала диалектика Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса, но признание субъективной свободы человека как Другого, которое может быть получено исключительно в соответствии с внутренним законом самосознания. Адорно и Хоркхаймер принимали кантианский концепт достижения обществом состояния просвещения через достижение отдельными индивидами способностей пользоваться собственным разумом, на основании чего и формируются свободные люди. В результате происходит признание Другого человека как равного каждому разумному и свободному по своей сути и статусу. В логике представленных рассуждений негативность диалектики означает стремление избежать невежества в себе и возможность признания равенства различных социальных субъектов и институтов. К слову, именно идеи такого равенства ложатся в основание дальнейших прикладных исследований целой плеяды представителей критической теории.

Другой принцип критической теории состоит в стремлении показать диалектику нерационального в бытии социального. Если в классической позитивной диалектике развитие социального реализовывалось рациональными путями, то уже в концептуальных построениях Адорно большая роль отводится нерациональным факторам развития социальных элементов [Фатенков, 2013]. Таким образом, разум подобен некоему фантому, который может привести только к самоуничтожению. В конечном счете франкфуртцы приходят к критике прогресса общества, заявляя о его отсутствии. Наконец, именно нерациональные основания часто становятся достаточно существенными при изучении трансформации социальных связей и отношений.

Феминизм

На наш взгляд, представленный абрис, посвященный франкфуртцам, выглядит несколько неполным, следовательно, имеет смысл рассмотреть другие концепции, относящиеся к

критической теории, а уже затем указать специфику отражения в них политико-правовой институциональной проблематики. Во введении мы указали, что одной из таких концепций полагается феминизм. Критицизм социальных воззрений основоположницы феминистской концепции Симоны де Бовуар был направлен не только на политическую сферу общества, но и прежде всего в сторону статуса женщины в семье и обществе. В дальнейшем эти идеи позволили сделать вывод о правовом и политическом статусе женщины и, как следствие, трансформировать гендерный состав властных институтов.

Начнем с того, что сама критическая концепция феминизма содержит утверждения о том, что так называемая «концепция “женственности” – это результат стараний общества сделать женщин зависимыми от мужчин... выражение “женщиной не рождаются, ей становятся” является одним из наиболее часто цитируемых...» [Муртазина, 2011, 239]. Как правило, гендерная политика традиционного социума предполагает: 1) коллективное, зачастую манипулятивное воздействие на человека посредством навязывания отдельному человеку стереотипных поведенческих моделей; 2) устремление индивидов к формированию определенного образа человека в социуме.

Интеллектуальные конструкты феминизма содержат в себе критику избыточного влияния коллектива на современных женщин, которое стремится приписать им совокупности характерных, в преобладающем большинстве случаев архаизирующихся для них признаков. В частности, феминизм указывает на то, что доминирующей ценностью традиционного общества становится крепкая патриархальная семья, во главе которой должен стоять мужчина с присущим ему маскулинным гендером. Статус женщины в такой семье – это вечно «вторая роль» подавленного существа, которое все свое внимание и заботу должно обратить на мужское начало и его бытовое обеспечение [Ерохин, 2017].

В качестве одной из ведущих причин подобного статуса женщины критическая теория феминизма называет социальную практику, состоящую в том, что «в послевоенный период было принято восхищаться мужчинами, сильными, интеллигентными, образованными и авторитетными – вот характеристики, которые олицетворяли мужское превосходство, согласно Симоне де Бовуар. Другими словами, одним из неотъемлемых гендерных аспектов было желание женщины выйти замуж за такого “весомого” человека» [Муртазина, 2011, 239]. Отсюда следует, что главная цель женщины – это поймать мужчину «на крючок». Она постоянно ждет своего мужчину, который бы помог ей вырваться из плена и достичь намеченных целей. При этом женщина выстраивает свою судьбу в зависимости от того, какой мужчина ей попадется [Кодар, www].

Одной из главных обязанностей современной женщины все еще остается работа по дому, которая занимает львиную долю ее времени. Это является валидным объяснением бесчисленного множества фактов, фундирующих «исторический сексизм» интеллектуального мира, проявляющийся в практически полном отсутствии женщин в целом ряде отраслей науки и изобретательства ввиду банальной нехватки времени на таковое. Можно вспомнить, что все женщины, которые состоялись как ученые, не были обременены бытовыми и семейными обязанностями, что помогло им состояться в выбранной области интересов. Отсюда логичен вывод де Бовуар о значимости карьеры для женщин в качестве витального условия их успешной самореализации [Муртазина, 2011]. Еще один промежуточный вывод – возникающая перед женщиной дилемма между женственностью и независимостью. Желание подтвердить собственный статус, как считает де Бовуар, не просто делает женщину «социально пассивной», но и приводит к значительной утрате жизненных сил и потере привлекательности для мужчин.

Наверное, в этом выборе, который исключает хоть какие-то промежуточные ситуации, но требует однозначной убежденности в единственном варианте, и коренятся идеи о подвластности женщин мужчинам, что является катализатором интересов последних к представительницам прекрасного пола. Итак, если женщина реализует себя в качестве свободного существа, то, вероятнее всего, она будет неинтересна мужчине. Именно поэтому мужчине будет интересна только несвободная и зависимая женщина, заплатившая свободой за роль жены [Ерохин, 2017].

В результате мы подошли к основному тезису феминизма, который можно сформулировать следующим образом: «Женщина должна иметь столько же прав, сколько и мужчина». Феминизм критикует современные женоненавистнические идеологемы о том, что женское тело представляет собой «деструктивное природное начало, влияние которого на культуру несет в себе угрозу и должно быть нейтрализовано» [Муслумова, 2015, 115]. Вдобавок к этому, критике подвергается уходящая корнями в модернистские проекты система воспитания и принятия мужским и женским полами половой и гендерной идентичности [Гиллиган, 2000]. Контекстуальный анализ целого ряда работ привел нас к выводу о том, что в традиционных обществах позитивно оценивается неспособность женщины к самостоятельности [Ерохин, 2017].

Критический анализ традиционного уклада жизни приводит приверженцев феминизма к утверждению о том, что статус женщины социально ангажирован и предопределен, поэтому для изменения положения женщин в обществе требуются инициация и проведение политико-правовых трансформаций. В ряде стран, в первую очередь государствах Скандинавии, происходит так называемая «политическая эмансипация» женщин, которая представляет собой результат «значительных перемен в жизни скандинавских обществ, которые вовлекли самые широкие круги населения обоого пола и сопровождались заметной перестройкой общественного сознания и государственной политики» [Степанова, 2003, www]. Результатом мировоззренческих и политико-правовых сдвигов становится изменение статуса женщин: с середины XX в. они более не воспринимаются в качестве маргинального элемента общества, становясь равноправным членом общества. В ряде стран можно зафиксировать результаты произошедших институциональных трансформаций: изменился гендерный состав конкретных властных установлений.

К примеру, в парламенте Норвегии с первой трети XX в. процентная доля женщин увеличилась с 1 до более чем 40% к настоящему времени. Нельзя не отметить объективированные феминистскими идеями тенденции, которые затронули политические партии. В частности, ряд партий уже насчитывает преобладающую часть женщин в составе, которые при этом не просто занимают лидерские позиции, но и в масштабе страны находятся в центре общественно-политической жизни. Результатом подобной включенности женщин в состав партий становится измененное содержание разрабатываемых программных документов с учетом требований о защите прав женщин и введения отдельного направления государственной политики, занятого теоретическими и практическими вопросами об их гарантиях в различных сферах государства [Там же]. В качестве промежуточного результата таких преобразований можно назвать разработку и использование ряда нормативных актов о равноправии полов и запрете дискриминации по гендерному признаку во всех сферах общественной жизни. Более того, некоторые страны уже присоединились к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, проводится ежегодный отчет в ООН о положении женщин в стране [Политический атлас современности, www]. Итогом

законодательного закрепления прав становится повышение правового статуса, что позволило женщинам сравняться с мужчинами.

Итак, в рамках критической теории идеи феминизма не просто стали самостоятельным фактором, объясняющим произошедшие преобразования, но и, по сути, прорисовали канву институциональных трансформаций, став той материальной силой, которая позволила женщинам реализовывать собственные права. Действительно, в сравнении с началом прошлого столетия статус властных институтов существенно изменился, и теперь вряд ли кому-то придет в голову ассоциировать политико-правовые установления как выражения одного лишь мужского гендера. Уточним, что рассматриваемые нами институты трактуются феминизмом как средство реализации равных прав мужчин и женщин и выражают всеобщее равенство полов, их социальных функций и возможностей самореализации.

Постмодернистские концепции

Содержательно иной концепцией, относимой к критической теории, считается постмодернизм. В отличие от феминизма, его представители сосредоточились не столько на критике внешних признаков политико-правовых институтов, сколько на их содержательной стороне, которая, как известно, заключается в наборе признаков, относимых к властным установлениям. М. Фуко, Ж. Бодрийяр и другие мыслители отмечали, что представители традиционных современных теорий вплоть до начала-середины XX в. при трактовке содержания рассматриваемых структур предполагали, что их доминирующим признаком является способность основывать свои полномочия на принципе физической силы и соответствующих вариантах принуждения к конкретным типам и моделям поведения. Так, Фуко в своем произведении «Надзирать и наказывать» [Фуко, 2016] интерпретирует феномен казни в качестве простой и внешне эффективной меры запугивания, которая еще со Средних веков воспринимается как шоу и одновременно является исполняемой судебной системой формой возмездия. Здесь принципиально важно и то, что казнь исполняется кем-то конкретно. Это персонификация современных властных институтов, что означает существование конкретных субъектов, отвечающих за выполнение определенных задач по реализации возложенных на них полномочий и описаний политико-правовых процессов, протекающих в том или ином обществе.

В отличие от классических, концепции постмодерна рассматривают властные структуры с позиции совершенно иных оснований. В частности, государственное влияние осуществляется ныне не через внешнее принуждение, но благодаря обладанию знанием или же посредством симулятивных практик, формирование привлекательных, «символических капиталов». В целом мы видим, что в системе реализации властных отношений постмодернисты предлагают усматривать неполитические основания. Представители данного направления порой справедливо доказывают, что сегодня для эффективной реализации властных отношений традиционное прямое принуждение далеко не всегда является единственным способом осуществления полномочий по социальному управлению.

Мультикультурализм

Отметим заключительную в рамках данной работы концепцию – мультикультурализм. Данное направление можно считать «критическим» уже после вдумчивого анализа высказываний его представителей и общего характера формулируемых ими оценок относительно идеи «плавильного котла» и в целом применительно к практикам ассимиляции

европейских и в меньшей степени американских государств. Первый ментальный конструкт содержит в себе пропагандируемую модель этнического развития, предполагающую смешение народов в единую нацию. В это смешение включается не только культурное, но и биологическое, при этом отрицаются все возможные социальные и/или этнические конфликты между представителями одной нации [Арзиева, 2019]. Возникающие противоречия квалифицируются как внутринациональные и не предполагающие какой-либо розни.

Для воплощения идеи «плавильного котла» для новых представителей нации планировалось осуществить различные ассимиляционные процессы. Сделаем акцент на том, что значимым фактором, повлиявшим на возникновение и реализацию этих интеллектуальных продуктов, стали миграционные процессы в странах Западной Европе и Северной Америки, которые и определили тенденции в отношениях между группами коренного населения и иммигрировавшими из других регионов гражданами, принадлежащими к другим культурам, религиям, нациям [Черняк, 2014]. Закономерно, что в качестве проблемного объективируется вопрос об ассимиляции мигрантов в культуру и государственную политику принимающей страны – и это требует осуществления каких-либо необходимых изменений на политико-правовом уровне. В результате при возникновении критических тенденций по отношению к «плавильному котлу» предшествующие концепции миграционной политики маркируются как неэффективные, поскольку, как правило, в них достаточно узко рассматривались (если вообще ставились) вопросы об интеграции мигрантов в национальное сообщество. Характерно, что при формальном конституционном равенстве на деле одним из (возможных) негативных маркеров неэффективности текущего законодательства может стать возвращение неравенства между мигрантами и коренными жителями страны.

Сущность мультикультурализма заключается в возможности признания за различными культурными, этническими, религиозными и прочими меньшинствами прав на реализацию принципов собственной идентичности. Утверждается, что наличие доминирующей этнической части общества не дает основания принижать права и свободы этнических меньшинств. Это дает возможность и требование юридического закрепления прав этнического, культурного меньшинства. Политическое значение мультикультурализма сводится к практическому решению вопросов политического и культурного равноправия национального большинства и меньшинства [Лапин, 2013], а также к реализации ряда программ поддержки и социальной защиты меньшинств.

На уровне властных институтов идеи мультикультурализма указывают на необходимость защиты прав и свобод индивидов. На законодательном уровне данная идея реализовывалась в форме принятия эффективных норм, направленных против экстремистских проявлений, национализма и терроризма. В качестве резюме отметим, что мультикультурализм настаивает на осуществлении определенной либерализации общества. По сути, можно сказать, что в ряде современных стран критика монокультурных сообществ на деле уже привела к определенным политико-правовым институциональным трансформациям.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что критическая теория представляет собой множество разных теоретических и практических концептов, представители которых по-разному переосмысливали социальные, политические и прочие тенденции современного общества. Процесс формирования критической теории можно отнести к середине XX в., ее предметом

стали различные практики общества. Логично, что критика не могла обойти структурные характеристики властных институтов, поскольку, как показывали представители феминизма, женщина не имела равенства прав с мужчиной и соответствующих им статусов и ролей. В результате женской эмансипации произошли содержательная трансформация политических институтов и закрепление множества прав женщин.

Критиковались и сами причины формирования политико-правовых институтов. Так, представители постмодернистской традиции убедительно показали возможность принципиально иных способов построения властных установлений, методов осуществления государственных полномочий и системы принуждения. Критике подвергались способы международной миграционной и этнической политики во множестве стран. Представители мультикультурализма предлагают юридически закрепить права меньшинств, что требует проведения вполне конкретных институциональных трансформаций институтов миграционной политики, а также правовых норм в целях закрепления соответствующих свобод для индивидов, которые обладают устойчивыми связями с иными культурами и странами. Таким образом, критическая направленность идей мультикультурализма позволяла реализовать формальную сторону институциональных трансформаций.

Однако следует отметить, что помимо перечисленных в данной статье существует целый ряд других направлений и путей реализации критической теории. С нашей точки зрения, они также могут быть сведены к одной из выделенных тенденций критики современного общества, поэтому с позиции перспективности целесообразнее будет представить их в виде отдельного исследования, которое бы дополнило данную работу.

Библиография

1. Арзиева Н.Т. Концепция «плавильного тигеля» как модель этнического развития // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 5-1. С. 45-47.
2. Бронзино Л.Ю. Критическая социология Франкфуртской школы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2007. № 3. С. 52-67.
3. Гиллиган К. Место женщины в жизненном цикле мужчины // Хрестоматия феминистских текстов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 166-186.
4. Дудник С.И. Диалектика отрицательности в неомарксизме // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2013. № 3. С. 3-9.
5. Ерохин В.С. Пол, гендер, феминизм: к вопросу о причинах возникновения проблемы гендерной идентичности // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Теоретические и практические аспекты развития научной мысли в современном мире». Уфа, 2017. С. 87-92.
6. Кодар З.М. Концепция другого в философии Симоны де Бовуар. URL: <https://articlekz.com/article/8396>
7. Лапин Д.В. Мультикультурализм: политическая концепция и научный феномен // Идеи и идеалы. 2013. Т. 2. № 2. С. 20-26.
8. Муртазина Д.Ф. Влияние философии Симоны де Бовуар на творчество Айрис Мердок (на материале романа «Колокол») // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. № 2. С. 238-244.
9. Муслумова Т.В. Феминизм: истоки, этапы развития и основные направления // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2015. № 4. С. 114-120.
10. Политический атлас современности. URL: <http://www.hyno.ru/tom1/1254.html>
11. Степанова Н.М. Политика гендерного равенства в скандинавских странах // Гендерная реконструкция политических систем. СПб.: ИСПГ-Алетейя, 2003. URL: <http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy/stepanova2.htm>
12. Фатенков А.Н. Негативная диалектика: соблазн неидентичности // Гуманитарный вектор. 2013. № 2. С. 30-36.
13. Фогелер Я.Г., Ойзерман Т.И., Нарский И.С. Социальная философия Франкфуртской школы. М.: Мысль, 1978. 357 с.
14. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 383 с.
15. Фурс В.Н. Социальная философия в непопулярном изложении. Мн.: ПроPILEI, 2005. 184 с.
16. Черняк А.В. Мультикультурализм и миграционная политика // Вестник государственного и муниципального

управления. 2014. № 3. С. 72-77.

17. Шушкина А.Г. Критическая теория общества сегодня // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2. С. 98-103.

Considering political and legal institutions from the perspective of critical theory

Nikita N. Ravochkin

PhD in Philosophy,
Associate Professor at the Department of history, philosophy and social sciences,
Kuzbass State Technical University,
Associate Professor at the Department of humanities and legal disciplines,
Kuzbass State Agricultural Academy,
650056, 5 Markovtseva st., Kemerovo, Russian Federation;
e-mail: nickravochkin@mail.ru

Abstract

The article deals with the cognitive capabilities of critical theory in relation to the consideration of political and legal institutions. The relevance of the study is justified by the lack of socio-philosophical research devoted to the development of political and legal institutional problems, in conjunction with the practical needs of the present time. The purpose of the study is to substantiate the heuristic capabilities of critical theory in relation to power institutions, as well as to identify the real implementation of the ideas of this direction. The research methodology is based on general philosophical approaches, as well as the author's multi-paradigm approach. Critical theory is viewed as a multidimensional intellectual project, in which, in addition to the Frankfurt School, feminism, postmodern concepts and multiculturalism are presented. The article covers in detail the history of the formation of the critical direction, which has not yet fit into any rigorous theory. The author of the article pays attention to the complex nature of the impact of critical theory on modern social life, reveals the influence of the areas mentioned above on political and legal practice and institutional transformations, as well as summarizes the results of the work and outlines the panorama of future research.

For citation

Ravochkin N.N. (2021) Rassmotrenie politiko-pravovykh institutov s pozitsii kriticheskoi teorii [Considering political and legal institutions from the perspective of critical theory]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (1A), pp. 132-142. DOI: 10.34670/AR.2021.50.11.013

Keywords

Political and legal institutions, critical theory, Frankfurt School, society, feminism, multiculturalism, postmodernism, ideas, intellectuals.

References

1. Arzieva N.T. (2019) Kontsepsiya "plavil'nogo tigelya" kak model' etnicheskogo razvitiya [The concept of the "melting pot" as a model of ethnic development]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International journal of humanities and natural sciences], 5-1, pp. 45-47.
2. Bronzino L.Yu. (2007) Kriticheskaya sotsiologiya Frankfurtskoi shkoly [The critical sociology of the Frankfurt School]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology], 3, pp. 52-67.
3. Chernyak A.V. (2014) Mul'tikul'turalizm i migratsionnaya politika [Multiculturalism and migration policy]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Journal of public and municipal administration], 3, pp. 72-77.
4. Dudnik S.I. (2013) Dialektika otritsatel'nosti v neomarksizme [The dialectics of negativity in neo-Marxism]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Saint Petersburg University. Series 6: Philosophy. Cultural studies. Political science. Law. International relations], 3, pp. 3-9.
5. Erokhin V.S. (2017) Pol, gender, feminizm: k voprosu o prichinakh vozniknoveniya problemy gendernoi identichnosti [Sex, gender, feminism: on the causes of the problem of gender identity]. *Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Teoreticheskie i prakticheskie aspekty razvitiya nauchnoi mysli v sovremennom mire"* [Proc. Int. Conf. "Theoretical and practical aspects of the development of scientific thought in the modern world"]. Ufa, pp. 87-92.
6. Fatenkov A.N. (2013) Negativnaya dialektika: soblazn neidentichnosti [Negative dialectics: the lure of non-identity]. *Gumanitarnyi vektor* [The humanities vector], 2, pp. 30-36.
7. Foucault M. (1975) *Surveiller et punir. Naissance de la prison*. Paris. (Russ. ed.: Foucault M. (2016) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my*. Moscow: Ad Marginem Press Publ.)
8. Furs V.N. (2005) *Sotsial'naya filosofiya v nepopulyarnom izlozhenii* [Social philosophy in an unpopular presentation]. Minsk: Propilei Publ.
9. Gilligan C. (1979) Woman's place in man's life cycle. *Harvard educational review*, 49 (4), pp. 431-446. (Russ. ed.: Gilligan C. (2000) Mesto zhenshchiny v zhizennom tsikle muzhchiny. In: *Khrestomatiya feministsskikh tekstov* [A reader on feminist texts]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., pp. 166-186.)
10. Kodar Z.M. *Kontsepsiya drugogo v filosofii Simony de Bovuar* [The concept of the other in the philosophy of Simone de Beauvoir]. Available at: <https://articlekz.com/article/8396> [Accessed 23/12/20].
11. Lapin D.V. (2013) Mul'tikul'turalizm: politicheskaya kontsepsiya i nauchnyi fenomen [Multiculturalism: a political concept and a scientific phenomenon]. *Idei i idealy* [Ideas and ideals], 2 (2), pp. 20-26.
12. Murtazina D.F. (2011) Vliyanie filosofii Simony de Bovuar na tvorchestvo Airis Merdok (na materiale romana "Kolokol") [The influence of the philosophy of Simone de Beauvoir on the works by Iris Murdoch (a case study of the novel *The Bell*)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Kazan State University. Series: Humanities], 153 (2), pp. 238-244.
13. Muslumova T.V. (2015) Feminizm: istoki, etapy razvitiya i osnovnye napravleniya [Feminism: the origins, the stages of development and the main directions]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical Institute], 4, pp. 114-120.
14. *Politicheskii atlas sovremennosti* [The political atlas of modernity]. Available at: <http://www.hyno.ru/tom1/1254.html> [Accessed 23/12/20].
15. Shushkina A.G. (2014) Kriticheskaya teoriya obshchestva segodnya [The critical theory of society today]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanities research in Eastern Siberia and the Far East], 2, pp. 98-103.
16. Stepanova N.M. (2003) Politika gendernogo ravenstva v skandinavskikh stranakh [The gender equality policy in Scandinavia]. In: *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem* [The gender reconstruction of political systems]. St. Petersburg: ISPG-Aleteya Publ. Available at: <http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy/stepanova2.htm> [Accessed 23/12/20].
17. Vogeler J.J., Oizerman T.I., Narskii I.S. (1978) *Sotsial'naya filosofiya Frankfurtskoi shkoly* [The social philosophy of the Frankfurt School]. Moscow: Mysl' Publ.